

Заметки композитора

О НЕКОТОРЫХ НАСУЩНЫХ ВОПРОСАХ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

XX съезд КПСС призвал нас внимательно изучать реальные жизненные процессы, вдумчивее относиться к их сущности, преодолевать схематизм, отвлеченность и предвзятость, смелее и решительнее отображать правду жизни. Эти указания съезда имеют огромное значение для всех областей идеологии и культуры. Во многом они определяют также и пути развития советского искусства. Ленинская правдивость и принципиальность, которые должны быть нормами нашей общественной жизни, обязывают также и нас, композиторов, пристальнее, глубже, а главное — критичнее оценить положение в области советского музыкального творчества.

Советская музыка сильна своей реалистической направленностью, своей идейностью. Ее прочной и незыблемой опорой являются принципы марксистско-ленинской эстетики; партия всегда защищала и защищает чистоту этих принципов, оказывая, таким образом, огромную поддержку советским художникам. На этой основе советская музыка добилась выдающихся успехов: за последние годы, как и в предшествующее время, создавались и создаются высокоталантливые музыкальные произведения разных жанров, форм, индивидуально-творческих стилей и национальных школ. Особенно радует большой рост музыкальной культуры наших братских республик. У нас много ярко одаренных композиторов, с каждым годом пополняются ряды замечательной музыкальной молодежи, прочны и глубоки музыкально-культурные традиции. Все это — залог также и будущих успехов советской музыки.

Однако было бы легкомыслием и беспечностью утверждать, что в нашей музыкальной действительности нет теневых сторон, что перед советской музыкой не возникает трудностей, что на пути ее развития нет никаких опасностей. Нельзя, например, не видеть, что в течение последних лет, наряду с большими достижениями советской музыки, появилось непомерно много нежизнеспособных музыкальных произведений. Большое количество их исполнялось во время всесоюзных и республиканских смотров, проводимых в связи с пленумами правления Союза советских композиторов, причем многие из этих произведений удостаивались самых высоких похвал и наград, а потом немедленно забывались. Ничто не радовало в подобных произведениях ни рядовых слушателей, ни профессионалов-музыкантов. Преисполненные внешнего пафоса, эти произведения причислялись к числу жизнеутверждающих; иной раз мещанская идиллия получала название проникновенной лирики. Еще чаще культивировался пафос трескучих дифирамбов и пышных словословий — это именвалось героическим эпосом или эпической героикой. Претенциозность, «громкость» этих произведений была прямо пропорциональна их внутренней холодности.

Конечно, помимо всего этого, у нас появилось много просто скучных, серых, будничных произведений, в которых профессиональные навыки авторов не могли компенсировать отсутствие яркого творческого дарования.

Почему же из года в год увеличивается количество нежизненных произведений?

Мне кажется, во многом повинна тут наша музыкально-творческая среда, и особенно штаб нашей музыкально-общественной мысли — секретариат Союза композиторов СССР. Здесь, в практике повседневной работы, очень упрощались принципы и критерии реалистического искусства, народности и программности, принципы следования традициям классиков, в результате чего рождалась невзыскательность, нетребовательность в отношении идейно-художественных качеств произведений. Некоторые внешние признаки, как, например, наличие актуальных программных заголовков «актуальной тематики», стали как бы щитом, прикрывающим эти произведения от взыскательной критики. Считалось, что для поощрения нужных тенденций в творчестве можно не придавать большого значения силе или слабости произведения в целом. Достаточно было однажды допустить подобное снижение требовательности, чтобы число серых и скучных произведений все более возрастало, и остановить это делалось все труднее и труднее.

Многое в данном случае было обусловлено неудовлетворительным состоянием музыкальной критики. Музыкальная критика фактически исчезла со страниц центральной печати. Я уже не говорю об областных газетах, в которых появление небольших заметок на музыкальные темы — событие редчайшее.

Ряд интереснейших явлений в музыкальном творчестве, опере, концертной эстраде, народной музыке, самодельности и музыкальной науке, настоятельно требовавших живого отклика, изучения, поддержки, а иногда и осуждения, не получил общественной оценки и как бы не вызвал к себе интереса.

Легко представить себе, какое отрицательное влияние способно оказать подобное проявление равнодушия к творческой работе наших композиторов, исполнителей и музыковедов. К сожалению, такое положение продолжает существовать и ныне, так как единственный ежемесячник «Советская музыка» при всем желании не может охватить все значительные явления нашей музыкальной жизни, вместить все живые, интересные отклики музыкантов и слушателей. А между тем у нас есть высококвалифицированные специалисты-критики. Среди них есть и талантливая молодежь, появившаяся за последние годы. Но давно уже в музыкальных кругах говорят, что у нас есть музыкальные критики, но нет музыкальной критики.

В печатавшихся материалах редко можно услышать живые голоса, подлинно творческие суждения. Чаще это было скучнейшее начетничество, жвачка, конъюнктура. Для критиков, как и для композиторов, являлось весьма привычным, что среди тех, кому доверено руководство музыкальным делом, есть немало сухих догматиков, в сущности мало любящих музыку. Такие люди очень мешали и мешают нашему делу, развитию живой, творческой мысли. И это в значительной мере

наложило печать на характер музыкальной критики последних лет. А между тем нам крайне необходима борьба за смелое и решительное, идейное и эстетическое обогащение музыки. И учиться этому мы должны у великих музыкантов прошлого.

П. И. Чайковский в одной из своих рецензий писал: «Музыка Шумана... открывает нам целый мир новых музыкальных форм, затрагивает струны, которых еще не коснулись его великие предшественники. В ней мы находим отголосок тех таинственно глубоких процессов нашей духовной жизни, тех сомнений, отчаяний и порывов к идеалу, которые обуревают сердце современного человека»¹.

Думаю, что современному советскому слушателю в наименьшей степени должна импонировать музыка, «открывающая новые миры», отражающая «глубокие процессы нашей духовной жизни».

Об этом приходится говорить, так как стремление расширить в музыкальном творчестве диапазон мыслей, чувств, красок не всегда встречает должного к себе отношения. Музыкальные догматики чрезвычайно подозрительны к каждой, даже самой скромной попытке такого расширения, обогащения. Множество сомнений и подозрений вызывает в них каждый не совсем обычный поэтический штрих, все, на чем лежит печать нового, и притом индивидуального ощущения жизни. Это последнее особенно важно. «...Литературное дело, — писал Ленин, — всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. ...В этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»². Социалистический реализм открывает неограниченные возможности для смелых художественных исканий и открытий, для подлинно свободного проявления творческой индивидуальности художника, черпающего вдохновение в жизни народа.

Догматики чрезвычайно превратно толкуют область трагедийного в искусстве, примитивно отождествляя трагедию с пессимизмом. При этом упускается из виду, что в мировом искусстве произведения высокой трагедии всегда были самыми жизнеутверждающими. Таковы именно трагедии Шекспира, Гёте, Толстого, Бетховена, Чайковского, Мусоргского. В наши дни передовое, гуманистическое искусство всех стран мира не менее живо, чем это было в прошлом, откликается на все скорби и страдания человечества и, правдиво воплощая их, заявляет о своем протесте против зла и насилия. Как же может чуждаться этой области искусства советский художник, носитель самых передовых, гуманистических традиций в искусстве?

Догматики часто предъявляют к композиторам наивные и смехотворные требования некоей арифметической уравновешенности «отрицательного» и «положительного» в каждом отдельном произведении. Им чуждо понимание того, что идейный смысл произведения определяется не внешней пропорцией «грустной» и «бодрой», а пафосом выраженных в нем гражданских чувств, его общей гуманистической направленностью, его человечностью.

Курс на духовное обогащение нашего музыкального творчества — это одновременно и курс на смелое новаторство. Мы еще должны многому поучиться у классиков. В связи с этим хочется сказать, что в нашем отношении к классикам иногда более достаточно внешнего пиетета и совсем недостаточно истинного, глубокого понимания. Мы нередко рисуем классиков иконописно, слаживая в них как раз те черты, которые делали их великими людьми своего времени. Мы забываем, что искусство классиков было всегда ищущим, беспокойным. Они всегда поднимали целину, шли наперекор рутине и мещанству, смело ставя в искусстве самые животрепещущие, наиболее проблемные своего времени, смело создавая для них новые средства художественного выражения. У нас нередко цитируют, но, к сожалению, чересчур мало вдумываются в замечательные слова Мусоргского: «К новым берегам! бесстрашно сквозь бурю, мели и подводные камни, «к новым берегам!» (из письма к В. Стасову, 1872 г.).

Справедливо борясь против чуждого нам бездушного, формалистического искусства, как одного из проявлений упадочной буржуазной идеологии, партия призвала и призывает к неустанному творческим поискам, к смелому новаторству, к многообразию творческих индивидуальностей в искусстве социалистического реализма, к народности.

Однако новаторство в музыке не всегда находит у нас справедливое и правильное к себе отношение. Слишком поспешно у нас наклеивают ярлык формализма на каждое проявление творческих исканий. Формализмом нередко именуют то, что кому-либо не совсем понятно или не совсем по вкусу. Употребление этого понятия стало вообще несколько произвольным. Между тем формалистическим искусством можно назвать только искусство пустое, безидейное, холодное, безжизненное. Именно в таком искусстве прием, избранный композитором, становится самоцелью, превращается в щегольство, в трюк, в эстетство. Когда же изобретенное связано с живой мыслью и чувством, когда оно одухотворено поисками правды, большого идейного содержания, его нельзя называть формалистическим. Произвольное толкование понятия «формализм» и злоупотребление им часто дискредитирует в глазах общественности творческие искания композиторов, тормозит, а иногда и вовсе останавливает их. Это особенно пагубно сказывается на творчестве молодежи: ведь искания, пробы, эксперименты непременно сопутствуют творческой

молодости. Стремление во что бы то ни стало избежать всего спорного, острого способно превратить начинающих композиторов в молодых старичков. Ничто так не огорчает в творчестве молодого композитора, как эта неестественная прижатность, прилипанность, отсутствие истинного творческого порыва.

Хочу высказать некоторые свои соображения по вопросу о взаимоотношениях композитора и слушателя.

Быть услышанным и понятым как можно более широким кругом современных слушателей — заветное желание каждого советского композитора; среди нас, как я думаю, нет никого, кто бы не мечтал об этом. Однако далеко не всегда это желание полностью осуществляется. Оперные, симфонические, камерные произведения наших композиторов не часто получают широкую, всенародную популярность. В чем же здесь дело?

Во многом, конечно, виноваты мы, композиторы: мы не всегда умеем найти путь к сердцу слушателя, не всегда достаточно заботимся о мастерстве, доходчивости своих произведений, о яркой, выразительной мелодии, о прекрасной инструменталке, об активном использовании народного музыкального творчества. Между тем часто забывают о другой стороне вопроса — о необходимости серьезно, систематически пропагандировать и популяризовать новые произведения советских композиторов, особенно симфонические и камерные. Это относится как к современной, так и классической музыке. «Популярный писатель, — говорит Ленин, — не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и помогает ему делать эту серьезную и трудную работу, ведет его, помогая ему делать первые шаги и участвуя в дальнейшем самостоятельном. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного...»³.

В другом месте, касаясь этого же вопроса, Ленин пишет: «...Не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком»⁴.

Все это самым непосредственным образом относится к искусству, к музыке.

Передовые деятели русской музыкальной культуры прошлого были страстными пропагандистами музыки, они были музыкальными просветителями. Борясь за реализм, за народность в музыкальном творчестве, они прекрасно понимали необходимость широкого музыкального воспитания, формирования высокого художественного вкуса. А. Н. Серов писал: «Мысль, что наслаждаться музыкой, а притом и верно, здраво судить о ней можно всем и каждому, без малейшего приготовления, без особенной, собственно музыкальной воспитанности... эта мысль — корень многих заблуждений касательно музыки, заблуждений самых пагубных в отношении музыкального дела»⁵.

В нашей стране музыкально-культурный уровень народа сейчас неизмеримо выше, чем это было в прошлом. Но тем не менее нельзя ослаблять повседневную работу по пропаганде музыкальной культуры в массах, памятуя, что музыка призвана сыграть огромную роль в деле воспитания советского человека — строителя коммунистического общества.

Если бы в советской музыке плодотворно развивались научные и творческие дискуссии, можно было бы не сомневаться в том, что многие новые и сложные вопросы, выдвигаемые жизнью, получили бы свое разрешение. Однако дискуссии среди музыкантов пока еще не развернулись. Одной из причин этого является то, что некоторые руководящие деятели Союза советских композиторов уклоняются от прямого спора по важным вопросам музыкального творчества.

Излишне говорить о том, что всякая попытка помешать развитию творческой дискуссии обречена на провал, ибо она прямо противоречит призывам XX съезда партии.

Принципиальные творческие дискуссии, горячие споры по важнейшим вопросам нашей музыкальной современности, несомненно, должны сплотить композиторов в их общей борьбе за успешное развитие советской музыкальной культуры. И в этом — одна из главных задач Союза советских композиторов.

Советская музыка занимает почетное место в содружестве прогрессивных сил искусства всех стран. Перед ней стоят огромные ответственные задачи. «Искусство и литература нашей страны могут и должны добиваться того, чтобы стать первыми в мире не только по богатству содержания, но и по художественной силе и мастерству. Нельзя мириться, как это делают некоторые товарищи в органах искусства, в редакциях и издательствах, с тусклыми, скороспелыми произведениями. Посредственность и фальшь часто не встречают достаточного отпора, чем наносится ущерб развитию искусства и художественному воспитанию народа».

Эти задачи, поставленные в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде Коммунистической партии, ясно указывают нам направление, в котором должны развиваться устремления творческих работников советского искусства. Реалистическое богатство содержания, высокая идейность, художественная сила, мастерство — такова четкая и ясная творческая программа, данная XX съездом нашей партии советскому искусству. Эта программа будет успешно осуществлена, если все композиторы нашего великого многонационального народа, композиторы всех поколений, работающие во всех жанрах, как подлинны патриоты своей Родины, будут неустанно, дружно трудиться, создавая новые яркие произведения во славу нашего искусства.

¹ В. И. Ленин. «О журнале «Свобода». Соч., т. 5, стр. 285.

² В. И. Ленин. «О государстве. Соч., т. 29, стр. 436.

³ А. Н. Серов. Критические статьи, т. I, СПб. 1892, стр. 413.

¹ П. И. Чайковский. О программной музыке. М. 1952, стр. 76—77.

² В. И. Ленин. «Партийная организация и партийная литература», Соч., т. 10, стр. 28.